

Чагина О.В.¹

**СТИХИЯ НАРОДНОЙ РЕЧИ В ПОВЕСТИ И.С. ШМЕЛЁВА
«ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сказовой манеры повести И.С. Шмелёва «Лето Господне», проявляющиеся в опоре на устную и социально определенную речь. Анализируются черты просторечия, выступающие в повести на всех уровнях языка: в фонетике, лексике, словообразовании, морфологии. Анализ языка повести осуществляется с позиций практической работы преподавателя-русиста.

Ключевые слова: сказ; просторечие; лексика; фонетика; словообразование; морфология.

Для цитирования: Чагина О.В. Стихия народной речи в повести И.С. Шмелёва «Лето Господне» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. – 2023. – № 3. – С. 58–68. – DOI: 10.31249/ling/2023.03.04

¹© Чагина О.В., 2023

Чагина Ольга Всеволодовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова; aichagin@mail.ru

CHAGINA O.V.¹
THE ELEMENT OF FOLK SPEECH IN THE STORY OF I.S. SHMELEV
“THE SUMMER OF THE LORD”

Abstract. The peculiarities of the tale manner in the story “The Summer of the Lord” by I.S. Shmelev, which reveal themselves as relying on oral and socially definite speech, are examined in the article. The features of popular language which are manifested in the tale narration at all levels of language – in phonetics, lexis, word formation, morphology – are the object of analysis in the article. The study of the language of the story is carried out from the practical viewpoint of a Russian language teacher.

Keywords: tale; popular language; lexis; phonetics; word formation; morphology.

For citation: Chagina O.V. The element of folk speech in the story of I.S. Shmelev “The Summer of the Lord”. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 6. Linguistics]. 2023. N 3. Pp. 58–68. DOI: 10.31249/ling/2023.03.04

В «Лете Господнем» И.С. Шмелёв познакомил русского читателя с жизнью обитателей одного из заповедных уголков Москвы – Замоскворечья, хранящего традиции и устои патриархального купеческого быта. В этой книге, написанной в эмиграции (1933–1948), Шмелёв рассказывает о впечатлениях детства, о жизни окружавших его людей. Со страниц повести звучат их голоса. Шмелёв вспоминал: «Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мной книга – книга живого, богатого и красочного слова» (Цит. по [Михайлов, 1989, с. 7]).

Для России этого писателя во многом открыл О.Н. Михайлов, исследовавший в своих работах природу творчества И.С. Шмелёва, подготовивший издания его произведений, вышедшие на Родине. В восприятии ребенка, чистого и наивного, О.Н. Михайлов видит близость восприятию народному: «Как ни густо выписан живописный быт, художественная идея, из него вырастающая, летит над бытом, приближаясь уже к формам фольклора, сказания» [Михайлов, 1989, с. 19].

¹ Chagina Olga Vsevolodovna – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Russian for Foreigners, Moscow State University, Philological Faculty; aichagin@mail.ru

В сказе Шмелёва проявляется, по определению Н.А. Кожевниковой, «установка на устность и одновременно социально характерную речь» [Кожевникова, 1979, с. 296]. Писатель избрал форму сказа от лица мальчика шести-семи лет. Ухо ребенка особенно чутко настроено на восприятие речи окружающих, и повествователь передает ее своеобразие. Он достоверно воспроизводит речь разных социальных слоев: купцов, мастеровых, отставных солдат, «прогорелого барина», священнослужителей, странников, женщин и детей. «Главное мое качество – язык», – не раз повторял Шмелёв. В повести доминирует стиль устной речи, изобилующей диалогами. Писатель передал лексику, особенности произношения, отклонения от грамматических норм, синтаксический строй речи своих персонажей.

Язык повести прост и ясен. Автор в основном использует структуру простого или бессоюзного сложносочиненного предложения, избегая придаточных предложений и причастных оборотов.

Разговорная речь в повести имеет отчетливо выраженную просторечную окраску. Поскольку просторечие проявляется в нарушении норм литературного языка, важно, чтобы будущий филолог умел распознавать случаи ненормативного употребления той или иной формы.

В «Лете Господнем» просторечие прежде всего проявляется в **лексике**. Это лексика двух типов.

Во-первых, это исконно русские слова в просторечном употреблении: *завиствовать, сумлеваться, серчать, пужать, опростать, обещаться, кажный, опосля, вчерась, нонче, давеча, к завтраму, утресь, навсягды, наскрозь, тама, таперича*. – «Я тебе не *обещался*»; «Касторка стояла в уголку /.../, он ее в соус и *опростал*»; «Пир у них *нонче*»; «Муки *давеча* привезли»; «*Опосля* уж отдохнешь»; «Как у вас *тама-то?*».

Во-вторых, это искаженные иностранные заимствования в речи малограмотных людей: *струмент, планты, транспарат, купидом, карактер, оберпальцимейстер, дилижан, лиминация, лепетиция, синдирей, панишет, розбив, слонофил, фиверки* – «Показали все *планты оберпальцимейстеру*»; «Папенька наказал с тобой быть, *лиминацию* показать»; «Хозяйский *струмент* пропилил»; «На кирпичной стене /.../ розовые буквы – планки. Называется –

транспарат»; «“Ты, Крынкин... сло-но-фил!” /.../ Так слоно-филом и останусь по гроб жизни!».

Значительная часть просторечного произношения связана с **фонетическими изменениями**, возникающими в результате влияния звуков друг на друга. Просторечных форм такого рода в «Лете Господнем» огромное множество. Отметим наиболее распространенные из них.

- Диссимиляция – расподобление артикуляции двух одинаковых звуков: *ярмонка, слободно, пролубь, листоран, альхитектор, тронбовать, шинпанское, аменины, леестр* – «Я те, самовольник, в *пролуби* искупаю»; «Весело у нас постом-то? Как *ярмонка*»; «Мартын ... не хуже *альхитектора*»; «Денис меня угодил для *аменин*».

- Ассимиляция – артикуляционное уподобление друг другу однотипных звуков: *куфня, маненько* – «Уж додержись *маненько*, Василич, опосля отдохнешь»; «У меня воздух особый здесь, – со всех полей-огородов тянет... А с Москва-реки – раками живыми, а из *куфни* – вареными-с, понятно, рябчиками, цыплетками паровыми...»

- Протеза – появление добавочного звука в абсолютном начале слова для облегчения произношения. Протетическое [j] часто появляется перед гласным [э]: «Не забывай *этого*», «Поедем в Сад-*Ермитаж*». Протетический согласный [в] может появляться перед гласными [о], [у]: «У ней язычок *вострый*»; «Светлый *вьюнош*».

- Метатеза – взаимная перестановка в слове звуков или слогов: *тверезый* (от «трезвый»), *крылос* (от «клирос») – «Петрушка Глухой ... для проводов масленицы не вовсе *тверезый*», «У левого *крылоса* стоят ширмочки, и туда ходят по одному со свечкой».

- Эпентеза – возникновение в слове дополнительного звука. У персонажей Шмелёва это часто происходит при произнесении заимствованных слов: *театр, кивот, тротувар, мунувет, пирунет, кумпол, окиян-море*. – «Троицын день сегодня! У *кивота*, где Троица, тоже засунута березка». Эпентезы встречаются и в исконно русских словах: *энтот, ндрав, ндравится*. – «С ими нельзя без *энтова*»; «И всем очень *ндравится* порядок».

- Усечение гласного в абсолютном начале слова: *Лександр, рихметика, ранжеря, ердань, Ерусалим* – «Наш *Лександра Лександрыч* Козлов... хороший человек, зря никого не обижал»;

«У него своя грамота-рихметика»; «А етот кузовок, сударыня, в ручки примите-с... Крынкинская клубника, *ранжерейная*»; «Впервые меня везут на *ердань*, смотреть».

Значительная часть ошибок в речи персонажей повести Шмелёва лежит в области **морфологии и словообразования**. Вот наиболее распространенные из них.

Неверное определение рода существительных приводит к использованию ненормативного окончания: «Мы стоим у *бассейны*»; «Возьмут тебя в *училищу*»; «В два *дни* работу покончим»; «*желе брусничная*»; «*Всю* рояль усталили».

Часты ошибки, связанные с неправильным употреблением формы родительного падежа множественного числа: «*Чудесов* тут нет»; «В тыще *местов* был»; «*Всех делов* не переделаешь».

В употреблении личного местоимения *ОН* устраняется начальное протетическое [н] в косвенных падежах (*у его, у ей, под им, с ей, с ими*): «Какую глотку-то на *их* надо»; «С *ими* как надоть?».

В употреблении притяжательных местоимений используются просторечные формы *ихний, ейный*: «*Ихней* рыбы не найдем – сомовины возьму»; «Для *ихнего* сыру – рябчиков тертых».

В области словообразования часты ошибки в употреблении сравнительной степени наречий с основой на согласные *к, г, х* (*мельчей, побойчей, ходчей, жарчей, жальчей, покрепчей, потишей*): «*Жарчей* нажаривай, под тридцать градусов накатило»; «*Потишей* поедем»; «Держи топор *покрепчей*».

Нередко встречаются ошибки, связанные с неправильным выбором префикса: *стречать, беспрременно, несвычный, починать, зачинать, проздравлять, исделаю, спекла, скричу, спокой, смерзлый, повзвеселились*: «Дни-ночи мечусь, *смерзлый*»; «Дело это *несвычное*»; «Отцу полный *спокой* прописан»; «Теперь он что хошь из него *исделаает*».

В употреблении глаголов часто встречаются ошибки в образовании форм императива: «Направо *сворачь*»; «*Погодь*, принца тебе посватаем»; «Что будет, *слушь-ка*»; «А ну-ка, *покажь*»; «Василья, вязочку *положь* кучеру в ноги»; «Не *трожь* ее лучше, Вася».

Широко распространены запрещаемые нормой случаи употребления деепричастий на *-миш(сь)*: «Сильно *выпимиш* был»; «Как, вы все не *одемиш*?»; «А мы и не *знамиш* ничего».

В повести звучит и **диалектная речь**. Во дворе дома Шмелёвых мы слышим голоса людей из разных областей России. Горкин в повести говорит, «поокивая мягко, как и все владимирцы»: «УхОди, ухОди без рОзговору»; «ВОтрушки, никак, пекут? БОгатые вОтрушки»; «Орбузы у него рассахарные». Поокивает и костромич Василь Василич: «Огурчики и кОпустку Охочи трескать».

Диалектная черта проявляется в произнесении слова «ангел» как «андел». Тамбовский мужик на Конском рынке нахваливает свой товар, мерзлых поросят: «...не поросятки – а-нделы». «Андельская душка», – называет своего воспитанника Горкин; «С анделом, значит, вас», – поздравляет именинника Денис. Характерно, что эта диалектная черта иногда проявляется и сегодня в средней полосе России в речи недостаточно грамотных людей старшего поколения, например, в словах с мягкими согласными [гʲ] и [кʲ], которые произносятся как [тʲ] и [дʲ]: *дитарa («гитара»), димнастика («гимнастика»), тиоск («киоск»), тедфир («кефир»).

В повести Шмелёва встречаются и примеры противоположного рода, когда мягкий согласный [тʲ] звучит как мягкий [кʲ], и нормативное «театр» произносится как «кеятр»: «Приехал из театров кучер – ужинать послали. Говорит: “Народу, прямо ... не подъедешь к кеятрам”».

Ряд просторечных слов в повести связан с **народной этимологией**. Так, Горкин незнакомое для него слово «студент» произносит как «скудент», соотнося, видимо, его внутреннюю форму с понятным ему словом «скудный»: «К скудентам своим ступай, бунтуй, они те курятиной кормить будут». Интересно, что в некоторых изданиях этот фрагмент речи Горкина дается в «правильной» форме: «К студентам...» [Шмелёв, 1989]. Е.А. Осьминина, занимающаяся текстологическим анализом повести, восстанавливает авторский вариант – «скудент», что высвечивает его внутренний смысл [Шмелёв, 2012].

Встречаются и другие примеры. Немца Людвиг Карловича, любителя зимних купаний в проруби на Москве-реке, москвичи называют не иначе, как *Ледовик Карлыч*. Неясное слово «пиджак» становится понятным, если сблизить его со «спиной», – *спинжак*. Слово «клирос», восходящее к греческому, т.е. «часть, надел», в просторечии звучит как «крылос», поскольку говорящие соотносят его внутреннюю форму с крыльями птицы. Иностранное слово

«астрономы» Крынкин произносит как «востроломы», ассоциируя его с понятиями «острый», «остроглазый», – именно таким зрением, по мнению трактирщика, должны обладать люди, наблюдающие с высоты Воробьевых гор ход небесных светил: «У Крынкина на Воробьевке *востроломы* вот на звезды смотрят!.. *Востроломы*, сказывают, на месяце даже видят, как извошки по мостовым катают!»

Один из основных приемов художественной манеры Шмелёва – использование средств, характерных для **фольклора**. Во многих своих проявлениях его сказ близок фольклорной стилизации. В «Лете Господнем» немалое место занимают дублетные обороты. При обращении, например, к излюбленной теме еды рассказчик использует как традиционные обрядовые формулы типа «хлеб-соль» и «мед-пиво», применяя их к конкретным ситуациям («Вышел о. Виктор к церкви покропить именную *хлеб-соль*»; «Три ящика горшановского *пива-меда* привезли»), так и авторские дублетные обороты. Среди последних встречаются структуры, отражающие разные стороны развития гастрономических культур – сохранение традиций старомосковской кухни и вместе с тем активное освоение европейских новшеств: *тюря-мурцовка, рябчики-тетерки, грузди-рыжчики, чай-сахар, чай-шоколад, сахар-рафинад, торты-пироги, кеки-пряники, соусы-подливки, волован-ограден, ландринчик-монпансье*.

Помимо дублетных структур встречаются в повести и тройные обороты: «Здесь у меня *чаек-сахарок-лимончик*»; «Купить *чайку-сахарку-мучицы*».

Возможно также намеренное нагнетание нескольких дублетных оборотов в пределах одного предложения: «Тускло *горит-чадит* лампочка; *потрескивает-стрекает* печка»; «... были *князья-татары*, властвовали над нами, а теперь *шурум-бурум* продают»; «Помнишь /.../ видали с тобой, на стене красками расписано – /.../ *львы-тигры* несут *руки-ноги* кого *поели-разорвали*, все к нему несут, к Господу, в одно место».

В случаях такого рода дублетные обороты становятся стилистической доминантой, усиливая экспрессивное звучание текста.

Традиция использования дублетных оборотов в народной речи, воспринятая и обогащенная И.С. Шмелёвым, не угасает. Эти языковые единицы активно функционируют и сегодня. В современном речевом обиходе дублетные обороты используются в

названиях продовольственных магазинов («Овощи-фрукты», «Соки-воды», «Чай-кофе», «Мясо-рыба», «Грибы-ягоды»), предприятий общественного питания (кафе «Елки-палки», «Вкусно-сытно», «Му-му», «Гренки-пенки», ресторан «Сыто-пьяно»). Это свидетельствует о жизненной силе традиции и о том, что эта краска сохраняется в языковой палитре русской речи.

Экспрессивная функция языка заложена и в наименьших единицах языка – в **суффиксах**. Среди существительных суффиксального способа образования в «Лете Господнем» большую долю составляют слова с ласкательно-уменьшительными суффиксами. Их число едва ли не больше, чем количество бессуффиксных имен. Диминутивы выступают в повести в разных функциях. Прежде всего это указание на малый размер чего-либо: «На тротуаре *местечка* нет»; «...отпиваю и бархатного *глоточек*, дозволил Горкин». Ср. также: «*ковчежец* – в *аршинчик* будет», *кармашек*, *цепочка*, *грешки*, *припасец*.

Помимо этого, диминутивы у Шмелёва приобретают ярко выраженные стилистические коннотации с разными компонентами значения – эмоционального, экспрессивного, оценочного, социального. Чаще всего стилистические коннотации выступают в ситуациях, где на первый план выходит ласкательный оттенок значения. Это может быть смакование, наслаждение едой: «Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно: /.../ жареная гречневая каша, запить *кваском*! А постные *пирожки* с груздями /.../, а *киселек* с клюквенной ванилью, /.../ а «грешники» с хрустящей *корочкой*! /.../ Ласкательный оттенок проявляется и в ситуации угощения: «*Бобиков* сладких, *сударик*, покушайте»; в ситуации «продавец – покупатель» в сцене на Постном рынке: «Постны *блинки*, с *лучком*», «*Боровички* можайские!»; а также в ситуации особого любовного отношения к пище как к источнику существования: «А вот лесная наша *говядинка*, *гриб* пошел»; «с *хлебушка-то* здоровее будешь, кушай». Но возможны ситуации, где диминутив передает неодобрительный оттенок смысла. Одного из героев повести Горкин характеризует так: «Человек обстоятельный /.../. И не хозяйственный... и *водчонкой* балуется».

Наиболее часто в повести употребляются диминутивы с суффиксом *-ец*, придающим высказыванию особо высокую степень экспрессивности: «*Изюмцу-то* не скупись – подкидывай!»;

«Я не хочу *бульонца*, а как все»; «Отец выпил горячей воды с *кагорцем*»; «Солнце *золотцем* заливает залу»; «Пахнет *навозцем*».

Экспрессивный характер появляется и в многочисленных словах со значением увеличительности, чрезмерности чего-либо. Это а) существительные с суффиксом *-ищ-* («*грязища* во дворе»; «*хвостище*» у громадного осетра; цветок – «*бутонище*»; «*силища*» непомерная»; «огромный *кусище*»; «в такую *далищу* – муху увидеть»; «*ручищей* откидывает копну волос» протодьякон; «кучеру по шее *кулачищем* дал») и б) прилагательные с суффиксами *-енн-* («*страшенный* змеиный цвет»; «*высоченные* горы») и *-уц / -юц* («*большуцая* басня»; «костлявая-худющая, похожая на Бабу-ягу» старуха). Слова с этими суффиксами имеют разговорный характер.

Иногда суффиксы *-уц-* / *-юц-* и *-енн-* употребляются в однокоренных словах – *большуцый* и *большенный*: «Сестрица Соня заставила меня /.../ “Вола и Кота” выучить, *большуцую*»; «У храма Христа Спасителя – красный дом *большенный*, чугунные ворота».

Еще большей экспрессией обладают просторечные прилагательные «*длиннеющий*» (об остром и тонком жале змеинового цветка) и «*мудреющий*» (о старом штукатуре Пармене). Это продукт детского словотворчества – контаминации суффикса *-ейш-*, употребляемого в книжно-литературной речи, и суффикса *-юц-*, имеющего разговорный оттенок, что привело к нарушению норм литературного языка.

Язык каждого персонажа строго индивидуален. Так, в речи Горкина в обилии представлены слова высокого стиля – абстрактные имена, церковнославянизмы, выражения из Библии и Евангелия, которые выступают на фоне устной простонародной речи с соответствующими ей лексикой, словообразованием, фонетикой. Вот некоторые примеры: «И пошел он во *град* Дамасский христиан терзать»; «И слышит он из того света *глас*»; «А апостолу Павлу *главку* мечом посекали»; «*камни* возопиют»; «*Ангели* лики укрывают»; «*жись* вечная»; «*спокаешься* во грехах»; «Фарисеи стали *серчать*»; «*Воскурю* *имианы*-ладаны»; «*шестокрылые* Серафимы»; «И в дому чтобы *благоление* – чистота».

Своеобразием отличается и язык проживающих в Москве иностранцев. Автор точно передает фонетические, лексические и грамматические особенности их речи: «Тофольно ко-коледно ... сфешо»; «Шут кароковый»; «Ядовитый змеиный голова... Очень

жютки»; «Будете быть молодец»; «Я его знай»; «Подарю тебе по-пугай»; «Буду увидеть завтра»; «В ваши бань моюсь»; «Прогуляйте на один – на другой часик»; «мало-по-немалу».

Весьма выразительна фигура цирюльника Сай Саича. Его называют за глаза «зююкой», потому что он «не говорит, а зююкает: /.../ Нисево-с, виздровлите-с, мы вас в самого молодого зенуха сделаем зараз. И цего зе ви Сай Саица не скликали, ссеттинку такую запустили!...»

В речи самого рассказчика на протяжении всего повествования передаются ощущения чувственного восприятия мира. Среди различных способов выражения этого восприятия особенно выделяются структуры с глаголами *чудится*, *видится*, *слышится*, *чувствуется*, *кажется*: «Рождество... *Чудится* в этом слове крепкий, морозный воздух. Само это слово *видится* мне голубоватым»; «Я смотрю на серую землю, и она *кажется* мне другой, будто она живая»; «*Чувствуется* мне в этом великая тайна»; «*Слышится* мне призывно: по...мни, по...мни».

Сказовая манера повествования у Шмелева проявляется и в **синтаксисе текста**.

Один из наиболее устойчивых способов развития повествования – соединение предложений с помощью союза *И*:

«Я прочел книжечку про Целителя Пантелеимона. Он жил в давние времена /.../ *И* он хорошо стал врачевать. /.../ *И* было видение одному священнику /.../ *И* увидал красивого юношу Пантелеимона /.../ *И* потом научил Христовой вере /.../ *И* Пантелеимон стал лечить еще лучше /.../ *И* все прознали, какой Целитель живет в их граде, *и* стала про него великая слава».

Союз *И* в качестве способа передачи развития действия нередко употребляется в сочетании с наречием *ТОГДА*:

«*И тогда* захотел дознать /.../ *Тогда* Пантелеимон сказал им /.../ *И* коснулся лжицей своей глаз слепого /.../ *И* слепой прозрел. Царь разъярился и повелел терзать Пантелеимона всякими муками /.../ *И тогда* посекали ему главу мечом».

Новый поворот темы, выделение какого-то другого ее аспекта обозначается присоединением предложения с союзом *а*:

«*А* православные христиане взяли нетленное тело мученика, и мощи его почивают в нашем монастыре на Афонской горе».

В «Лете Господнем» писатель дал пеструю и многослойную языковую картину, вобравшую в себя и просторечие, и диалект, и конструкции разговорной и книжно-литературной речи. «Сплав художественности и учительства» – так пишет о повести Шмелёва исследователь его творчества Е.А. Осьминина [Осьминина, 2012, с. 14].

Шмелёв освоил огромный массив народной речи, и, преобразованная, она зазвучала в его повести, обогащая традиции русской классической литературы. Задача преподавателя-русиста – помочь учащимся глубже и полнее раскрыть заложенный в тексте лингвострановедческий потенциал, привить им чувство стиля.

Список литературы

- Кожевникова Н.А. Пути развития сказа в русской прозе XIX–XX вв. // Синтаксис текста. – Москва : Наука, 1979. – С. 276–298.
- Михайлов О.Н. Иван Шмелёв // Шмелёв И.С. Избранное. – Москва : Правда, 1989. – С. 3–21.
- Осьминина Е.А. Радости и скорби Ивана Шмелёва // Шмелёв И.С.. Лето Господне. – Санкт-Петербург : Азбука, 2012. – С. 5–14.
- Шмелёв И.С. Избранное. – Москва : Правда, 1989. – 685 с.
- Шмелёв И.С. Лето Господне. – Санкт-Петербург : Азбука, 2012. – 480 с.

References

- Kozhevnikova N.A. Puti razvitija skaza v russkoj proze XIX–XX vv. [The ways of the tale development in the Russian prose of the XIX–XX centuries]. In : *Syntaksis texta* [The syntax of text]. Moscow: Nauka, 1979. 367 p. (In Russian)
- Mikhajlov O.N. Ivan Shmel'jov [Ivan Shmelev]. In: *Shmel'jov I.S. Izbrannoje* [Shmelev I.S. Selected]. Moscow, 1989. Pp. 3–21. (In Russian)
- Os'minina E.A. Radosti i skorbi Ivana Shmel'jova [Joys and sorrows of Ivan Shmelev]. In: *Shmelev I.S. Leto Gospodne* [Shmelev I.S. The Summer of the Lord]. Saint Petersburg: Azbuka, 2012. – Pp. 5–14. (In Russian)
- Shmelev I.S. Izbrannoje* [Shmelev I.S. Selected]. Moscow: Pravda, 1989. 685 p. (In Russian)
- Shmelev I.S. Leto Gospodne* [Shmelev I.S. God's Summer]. Saint Petersburg: Azbuka, 2012. 480 p. (In Russian)